

Дата поступления рукописи в редакцию: 02.04.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 30.04.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-4-710-714

ИСКАНДАРОВ Роберт Рафаилович,
кандидат медицинских наук,
старший научный сотрудник ФКУ
«Научно-исследовательский институт
Федеральной службы исполнения наказаний»,
e-mail: dr.iskandarov@inbox.ru.

КОНФИГУРАЦИИ ВЛАСТИ В ТОТАЛЬНОМ ИНСТИТУТЕ: ТРАНСФОРМАЦИЯ ВРЕМЕНИ И ПРОСТРАНСТВА ОСУЖДЕННОГО

Аннотация. Статья посвящена философско-социологическому и клиническому анализу механизмов власти в пенитенциарных учреждениях, выходящих за рамки физического принуждения. На основе концепций М. Хайдеггера (временность как фундамент бытия), Ж. Делеза (переход от дисциплинарных обществ к обществам контроля) и М. Фуко (паноптизм как технология власти) обосновывается тезис о том, что режим отбывания наказания представляет собой форму онтологического насилия. Показано, что камера, конвой и расписание являются не просто элементами технической инфраструктуры, но инструментами деконструкции экзистенциалов – пространства и времени. Лишение свободы анализируется как принудительная трансформация темпоральности: замена линейного, проектного времени (бытия-к-смерти) циклическим, «пустым» временем ожидания, что ведет к деградации нарративной идентичности и формированию специфических психических феноменов. Делается вывод о том, что структурное и символическое насилие, встроенное в архитектуру и распорядок тотального института, создает предпосылки для формирования «пенитенциарной деменции» как экзистенциального исхода встречи человека с абсолютной властью.

Ключевые слова: пенитенциарная психиатрия, онтологическое насилие, М. Фуко, Ж. Делез, М. Хайдеггер, тотальный институт, временность, паноптизм, власть, десубъективация.

ISKANDAROV Robert Rafailevich,
Candidate of Medical Sciences, Senior Researcher,
Federal State Institution «Research Institute
of the Federal Penitentiary Service»

CONFIGURATIONS OF POWER IN THE TOTAL INSTITUTION: THE TRANSFORMATION OF THE CONVICT'S TIME AND SPACE

Annotation. This article provides a philosophical, sociological, and clinical analysis of power mechanisms in penitentiary institutions that extend beyond physical coercion. Drawing on the concepts of M. Heidegger (temporality as the foundation of being), G. Deleuze (the transition from disciplinary societies to societies of control), and M. Foucault (panopticism as a technology of power), the study substantiates the thesis that the regime of imprisonment constitutes a form of ontological violence. It is demonstrated that the cell, the convoy, and the schedule are not merely elements of technical infrastructure but tools for the deconstruction of existential structures — space and time. The deprivation of liberty is analyzed as a forced transformation of temporality: the replacement of linear, projective time (being-toward-death) with cyclical, «empty» time of waiting, leading to the degradation of narrative identity and the formation of specific psychic phenomena. The article concludes that structural and symbolic violence embedded in the architecture and routine of the total institution creates the prerequisites for the formation of «penitentiary dementia» as the existential outcome of the individual's encounter with absolute power.

Key words: prison psychiatry, ontological violence, M. Foucault, G. Deleuze, M. Heidegger, total institution, temporality, panopticism, power, desubjectivation.

Введение. В обыденном сознании и, что тревожнее, в значительной части юридической и криминологической традиции насилие в местах лишения свободы редуцируется к физическому акту – прямому телесному воздействию, фиксируемому как чрезвычайное происшествие. Однако для того, кто пребывает в пространстве тотального института, встреча с властью начинается задолго до возможного рукоприкладства и не исчерпывается им. Она начинается с самого факта помещения в ситуацию, где пространство перестает быть горизонтом возможностей и превращается в геометрию запретов, а время утрачивает свойство проективности, застывая в цикле повторяющихся рутин. Именно здесь, на уровне первичных структур бытия, таких как пространство и время, осуществляется наиболее радикальная форма насилия. Мы предлагаем обозначить ее как онтологическое насилие.

В отличие от физического или психологического давления, онтологическое насилие не оставляет видимых гематом, но производит нечто более страшное – атрофию способности быть автором собственной жизни. Оно атакует не тело, которое может быть защищено правовыми нормами, а саму структуру присутствия (*Dasein*), подменяя личное, экзистенциальное время временем режимным, а личное, обжитое пространство пространством камерного типа. Цель данной статьи – рассмотреть механизмы этой трансформации, используя концептуальный аппарат философии (М. Хайдеггер, Ж. Делез) и социологии власти (М. Фуко), чтобы затем перевести полученные инсайты на язык клинической психопатологии, описывающей долгосрочные последствия такого насилия [2; 3; 5].

1. Архитектура взгляда: от дисциплины к контролю. Мишель Фуко в «Надзирать и наказывать» (1975) совершил аналитическую революцию, показав, что тюрьма – это не просто место изоляции, но совершенная машина для производства дисциплинированных тел. Принцип паноптикума, где потенциальная возможность видимости со стороны надзирателя принуждает заключенного к внутренней дисциплине, стал метафорой классической власти модерна [3]. Однако пенитенциарная система, застывшая в архитектуре XIX века, сегодня функционирует в логике, которую Жиль Делез описал как переход к «обществам контроля» [2]. Если дисциплинарные общества работали с замкнутыми средами (тюрьма, казарма, завод), то общества контроля осуществляют власть непрерывно, размывая границы между нормой и патологией, свободой и принуждением.

Для осужденного это означает, что насилие перестает быть дискретным актом. Оно становится средой обитания. Камера с видеонаблюдением – это уже не просто помещение, а точка приложения взгляда, который не нуждается в человеке-надзирателе. Власть становится анонимной, а значит, неуязвимой для сопротивления. Фуко писал о том, что паноптизм создает и поддерживает «отношение надзора» независимо от того, кто именно находится в центральной башне. В современной реальности эта башня опустела, но взгляд никуда не исчез; он материализовался в камерах, датчиках движения и процедурах контроля. Это первая стадия онтологического насилия: пространство перестает принадлежать субъекту. Оно становится чужим, враждебным, пронизанным невидимыми лучами власти.

Феноменологически это переживается как утрата интимности. У человека отнимается возможность быть наедине с собой, не будучи объектом наблюдения. Как показывает клиническая практика, у лиц, длительно содержащихся в условиях интенсивного видеоконтроля, формируется специфический симптомокомплекс: они перестают «отпускать себя» даже в тех редких ситуациях, где наблюдение отсутствует. Происходит интернализация надзирающего взгляда, который превращается в перманентное внутреннее напряжение, разрушающее границы Я. Это уже не дисциплина, формирующая послушное тело, это контроль, аннигилирующий саму субъектность.

2. Время, ставшее вещью: экзистенциальная темпоральность против расписания. Если Фуко дал нам оптику для анализа пространства власти, то фундаментальная онтология Мартина Хайдеггера позволяет увидеть, какое именно измерение человеческого бытия подвергается наиболее глубинному разрушению в условиях несвободы. Для Хайдеггера сущность присутствия (*Dasein*) заключается во временности. Подлинное существование разворачивается как бытие-к-смерти: человек постоянно находится в горизонте будущего, проецируя себя в возможности, которые он должен реализовать [5].

Тюремный режим радикально конфискует будущее. Разумеется, юридически срок наказания имеет конец, и дата освобождения формально существует. Но в экзистенциальном переживании этот горизонт превращается в свою противоположность. Психологически большой срок не столько приближается, сколько давит своей бесконечностью. Вместо линейного времени, где каждый день шаг к проекту, возникает циклическое, замкнутое время рутины. Подъем, отбой, про-

гулка, прием пищи – эти события не ведут ни к чему, кроме повторения самих себя. Время теряет свою «растяжимость», свою способность быть вместилищем смысла. Оно превращается в чистую длительность, в «дурную бесконечность».

Именно здесь власть осуществляет акт онтологического насилия. Она не просто ограничивает свободу перемещения; она навязывает человеку чужой способ существования во времени. Хайдеггер различал подлинную временность, где прошлое удерживается как повторяемая возможность, настоящее, как момент действия, а будущее, как проект, и неподлинное существование, где человек «растворяется» в повседневности, в мире «тап» (безличного существования). В тюрьме этот переход из подлинности в неподлинность принудителен. Осужденный вынужден существовать в «теперь» без выхода в проектное будущее. То, что в обычной жизни является симптомом невроза (утрата временной перспективы), здесь становится нормой выживания.

Клиническим коррелятом этого процесса является феномен, который в пенитенциарной психиатрии иногда обозначается как «синдром тюремного огрубления» или, в тяжелых случаях, как «пенитенциарная деменция». Это состояние характеризуется не столько интеллектуальным снижением, сколько экзистенциальной атрофией: утратой способности к планированию, сужением круга интересов до уровня витальных потребностей, исчезновением рефлексии. В терминах хайдеггеровской философии это есть распад Dasein как способности «забегать вперед себя». Человек перестает быть своим будущим, застывая в вечном настоящем, которое не имеет выхода.

3. Символическое насилие и ритуалы десубъективации. Помимо структурного воздействия на пространство и время, власть в тотальном институте оперирует языком и ритуалом, совершая насилие символическое. Пьер Бурдьё определял символическое насилие как насилие, которое осуществляется при участии того, кто его претерпевает, и остается им непризнанным [6]. В пенитенциарной практике это проявляется в процедурах, которые формально направлены на поддержание порядка, но фактически выполняют функцию дезинтеграции идентичности.

Процедура обыска, процедура этапирования, процедура построения, все эти ритуалы имеют не столько прагматический, сколько ритуально-унизительный смысл. Они систематически подтверждают статус человека как объекта, лишённого права на телесную автономию. Обыск,

при котором тело освобождается от одежды и осматривается посторонними, является актом, возвращающим человека к состоянию голый телесности, лишённой культурной оболочки. Это повторяющееся переживание формирует у осуждённого устойчивое чувство «не-субъектности».

Эрвинг Гоффман в своем фундаментальном исследовании тотальных институтов «Асилумы» (1961) детально описал механизмы «смерти Я». Процесс поступления в учреждение закрытого типа всегда включает в себя церемонию деградации: изъятие личных вещей, униформу, отказ от имени в пользу номера, разрушение биографической наррации [1]. В пенитенциарной системе эти процедуры стандартизированы и имеют долгосрочный характер. Осуждённый не просто носит форму, он лишается возможности выражать свою идентичность через одежду. Он не просто имеет номер, его имя в официальном дискурсе все чаще замещается этим номером. Символическое насилие здесь достигает своей цели: человек начинает воспринимать себя так, как его конституирует система.

Для психиатра важно понимать, что за этим стоит не просто психологическая травма, а глубокая трансформация личностной структуры. Разрушение нарративной идентичности (способности связно рассказывать историю своей жизни) напрямую коррелирует с ростом алекситимии (неспособности распознавать и описывать собственные эмоции) и деперсонализационных расстройств. Человек, у которого отняли биографию, перестает понимать, что он чувствует, ибо чувства всегда вписаны в контекст жизненного нарратива.

4. Телесность как последний бастион: психосоматика власти. Когда власть атакует пространство, время и идентичность, последним прибежищем субъекта остается собственное тело. Однако в условиях тотального контроля тело также становится полем битвы. С одной стороны, тело подвергается жесткой регламентации (позы во время проверок, маршруты перемещений). С другой стороны, именно через тело часто осуществляется последняя форма сопротивления или, напротив, капитуляции.

Феномен аутоагрессии в местах лишения свободы, нанесение себе порезов, членовредительство, является классическим примером того, как онтологическое насилие порождает парадоксальные формы субъективации. Нанося себе повреждение, заключенный утверждает, что тело принадлежит ему, даже если принадлежность эта выражается через его разрушение. В отсутствие возможности воздействовать на внешний мир,

власть над собственным телом становится последней доступной формой свободы. Но эта свобода является трагической: она осуществляется в языке, продиктованном той же самой системой насилия.

М. Фуко в своей поздней работе «Рождение биополитики» (2004) развил идею о том, что власть современности — это не только дисциплина, но и биовласть, управление жизнью населения. В масштабе пенитенциарного учреждения биовласть проявляется в тотальном контроле над телесными отправлениями, режимом питания, сном и медицинским обслуживанием. Еда, сон, здоровье перестают быть сферой частного выбора и становятся предметом административного регулирования. Это вторжение на территорию автономной телесности завершает картину онтологического насилия, где не остается ни одной сферы бытия, которая не была бы колонизована режимом.

С клинической точки зрения, длительное пребывание в таком режиме ведет к соматизации. Поскольку прямая агрессия против системы невозможна или чревата ужесточением режима, а психологическая защита истощается, конфликт вытесняется на уровень тела. Психосоматические расстройства (гипертония, язвенная болезнь, бронхиальная астма) в пенитенциарной среде приобретают характер эпидемии, будучи не столько следствием плохих условий, сколько материализованным криком тела, которое больше не может выносить насилия над своим бытием.

5. Клинический финал: деструкция субъекта. Синтез философского, социологического и клинического взглядов позволяет увидеть закономерный итог долгосрочного воздействия описанных механизмов. Если власть последовательно уничтожает пространственную автономию (камера), временную проективность (расписание), символическую идентичность (номер, униформа) и телесную приватность (обыски, биовласть), то субъект как интегральное единство перестает существовать.

То, что в психиатрической номенклатуре проходит как «специфическое расстройство личности органического генеза», «психоорганический синдром» или просто «деградация», в экзистенциальной перспективе выглядит как результат онтологического убийства. Человек, лишенный времени, пространства, имени и тела, перестает быть тем, кого М. Хайдеггер называл «вот-бытием» (*Dasein*), открытым миру. Он превращается в замкнутую систему рефлексов, реагирующую на внешние раздражители — приказы, сигналы, режимные моменты.

Важно подчеркнуть, что этот исход не является неизбежным. Способность сохранить ядро субъектности в условиях абсолютной власти — это свидетельство той самой экзистенциальной стойкости, о которой писал Виктор Франкл [4]. Однако цена этого сохранения часто оказывается запредельно высокой. Защитные механизмы, позволяющие выжить в пенитенциарной среде (диссоциация, отчуждение, цинизм), после освобождения становятся непреодолимым препятствием для ресоциализации. Бывший осужденный, привыкший существовать в режиме «здесь и теперь», без рефлексии и планов, оказывается неспособен вписаться в гражданское общество, функционирующее на основе доверия, проектов и правовой ответственности. Таким образом, онтологическое насилие, легитимно осуществленное государством в период отбывания наказания, пролонгирует свое действие далеко за пределы срока, указанного в приговоре.

Заключение. Проведенный анализ позволяет утверждать, что пенитенциарная власть не ограничивается функциями изоляции и исправления, но выступает как механизм онтологической трансформации. Используя философские концепции М. Хайдеггера (разрушение временности), Ж. Делеза (логика обществ контроля) и М. Фуко (паноптизм и биовласть), мы показали, что камера, конвой и расписание представляют собой инструменты изменения самой структуры бытия осужденного. Насилие в этой парадигме перестает быть только физическим; оно становится структурным, будучи встроенным в архитектуру и распорядок, и символическим, воздействуя через ритуалы деградации и лишение нарративной идентичности [2; 3; 5].

Клинические последствия такого насилия выходят далеко за рамки традиционных нозологических единиц. Формирование «пенитенциарной деменции», алекситимии и деперсонализации — это не столько побочный эффект стресса, сколько прямой результат атаки власти на экзистенциалы пространства и времени. Для пенитенциарной психиатрии это означает необходимость выхода за пределы узко-медицинского взгляда. Диагностики и терапии в местах лишения свободы невозможны без учета той метафизической ситуации, в которой находится пациент. Понимание того, что перед нами не просто больной человек, но человек, подвергшийся длительному онтологическому насилию, требует не только назначения психотропных препаратов, но и восстановления утраченных структур бытия — возвращения временной перспективы, реконструкции нарратива и, по возможности, возвращения пространству его человеческого измерения.

Список литературы:

[1] Гоффман Э. Тотальные институты: очерки о социальной ситуации психически больных пациентов и других постояльцев / Пер. с англ. А. Салина. М.: Элементарные формы, 2019. (Оригинал: Goffman E. Asylums: Essays on the Social Situation of Mental Patients and Other Inmates. New York: Anchor Books, 1961). URL: <https://archive.org/details/asylumsessaysons00goff> (дата обращения: 25.03.2026).

[2] Делез Ж. Постскрипtum к обществам контроля // Делез Ж. Переговоры. СПб.: Наука, 2004. С. 235–242. (Оригинал: Deleuze G. Post-scriptum sur les sociétés de contrôle // L'Autre journal, 1990, n° 1).

[3] Фуко М. Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы / Пер. с фр. В. Наумова. М.: Ад Marginem, 2015. (Оригинал: Foucault M. Surveiller et punir: Naissance de la prison. Paris: Gallimard, 1975).

[4] Франкл В. Человек в поисках смысла / Пер. с англ. и нем. М.: Прогресс, 1990. URL: https://royallib.com/book/frankl_viktor/chelovek_v_poiskah_smlSLa.html (дата обращения: 25.03.2026).

[5] Хайдеггер М. Бытие и время / Пер. с нем. В. Бибихина. М.: Академический проект, 2013. (Оригинал: Heidegger M. Sein und Zeit. Halle: Max Niemeyer Verlag, 1927). Bourdieu P. Méditations pascaliennes. Paris: Seuil, 1997.

References:

[1] Hoffman E. Total Institutions: Essays on the Social Situation of Mentally Ill Patients and Other Boarders/Per. from the English A. Salina. M.: Elementary forms, 2019. (Оригинал: Goffman E. Asylums: Essays on the Social Situation of Mental Patients and Other Inmates. New York: Anchor Books, 1961). URL: <https://archive.org/details/asylumsessaysons00goff> (дата обращения: 25.03.2026).

[2] Delez J. Postscript to Control Societies// Delez J. Negotiations. St. Petersburg: Science, 2004. S. 235-242. (Оригинал: Deleuze G. Post-scriptum sur les sociétés de contrôle // L'Autre journal, 1990, n° 1).

[3] Foucault M. Supervise and Punish: The Birth of Prison/Per. from fr. V. Naumova. M.: Ad Marginem, 2015. (Оригинал: Foucault M. Surveiller et punir: Naissance de la prison. Paris: Gallimard, 1975).

[4] Frankl W. Man in Search of Meaning/Per. from English. and nem. M.: Progress, 1990. URL: https://royallib.com/book/frankl_viktor/chelovek_v_poiskah_smlSLa.html (дата обращения: 25.03.2026).

[5] Heidegger M. Genesis and Time/Per. since nem. V. Bibikhin. M.: Academic project, 2013. (Оригинал: Heidegger M. Sein und Zeit. Halle: Max Niemeyer Verlag, 1927). Bourdieu P. Méditations pascaliennes. Paris: Seuil, 1997.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.